

ПРОБЛЕМА МЕССИАНСТВА И ЕГО ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ

*Работа представлена кафедрой онтологии и теории познания
Уральского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Н. В. Бряник

В статье ставится проблема мессианства как модели мышления и действия представителей культур, исторически порожденных мессианским культом; проясняется философский смысл мессианства, генерируемый религиозной догматикой иудаизма и христианства.

Ключевые слова: мессия, мессианство, подсознание, менталитет, культура.

The article touches upon the problem of messianism as a model of thinking and acting of representatives of cultures that historically originated from the messianic cult. The author clarifies the philosophic sense of messianism generated by the religious dogmatics of Judaism and Christianity.

Key words: Messiah, messianism, subconsciousness, mentality, culture.

Проблема мессианства имеет двоякий характер. С одной стороны, люди мессианской культуры (христианства, ислама и др.) зачастую не способны структурировать этот мир по-другому, ибо мессианство как модель *мироощущения* глубоко фундаментальна в подсознании. С другой стороны, мессианство часто рассматривают лишь как составляющую (пусть и существенную) *религиозной* доктрины и пренебрегают его *философским* смыслом.

«Религиозные корни мессианизма, – писал Н. А. Бердяев, – в мессианском сознании еврейского народа, в его сознании себя избранным народом Божиим, в котором должен родиться Мессия, Избавитель от всех зол, создающий блаженное царство Израиля»¹. Ивритское «Машиах» (Мессия) значит помазанник Божий (греческий эквивалент этого слова – Христос). Он должен появиться в конце времен, когда история приблизится к своему завершению. «В его

царствование в Иерусалиме будет восстанавлен Храм и собраны будут еврейские изгнанники. Наступят мир, безопасность и материальное процветание, так что каждый пребудет свободным для изучения Торы и осуществления ее заповедей»². С верой в пришествие Мессии связано иудаистическое учение о Мессианской Эре – эре всеобщего мира и счастья, которые наступят вследствие познания Бога. За Мессианской Эрой должна будет последовать Эра Воскресения, а за нею – «Будущий Мир», райское состояние, которое уготовано преображенным человеческим душам.

Существенно, что Мессия – Царь земного, целиком посюстороннего мира. В этом мире еще есть время и смерть, однако их могущество здесь ослаблено, они уже не господствуют над человеком. Центр человеческого бытия как бы переносится из относительной реальности в абсолютную.

По словам В. С. Соловьева, в основе мессианских представлений лежит понимание истории как «целенаправленного, целесообразного процесса, осуществляющего некую общую задачу, в исполнении которой должен первенствовать данный народ»³. По-видимому, первый народ на Земле, который стал воспринимать мировой процесс *историософски*, т. е. как телеологически заданную последовательность сменяющих друг друга состояний, был народ Израиля, потому что исповедовал мессианизм, а затем передавший такое мироощущение христианам и мусульманам. Пришествие Мессии в иудаизме и христианстве понимается как кульминационный пункт истории.

Юнг пишет о том, что «общая идея о Христе-Спасителе относится к всемирной и дохристианской теме героя-освободителя, который, будучи съеден чудовищем, появляется чудесным образом опять, победив поглотившее его чудовище»⁴. Даже если согласиться с ним, то следует признать в этой религиозной концепции новое, более высокое качество, позволившее не просто возникнуть, но и *глобально* распространиться

двум мировым религиям (христианству и исламу). Иудаизм из-за широкого расселения еврейства (не только как родитель) продолжал играть также *глобальную* роль, заключающуюся во взаимовлиянии с данными мировыми религиями и в общекультурном взаимодействии с другими нациями, прежде всего европейскими народами и арабо-мусульманскими.

Древнегреческая философия, пришедшая к идее Бога – демиурга и вседержителя, философски облагородила христианскую догматику. По-видимому, имея в виду именно этот эллинский мыслительный генезис, говорит апостол Павел, обращаясь к афинянам, призывая их стать христианами: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам. Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли... Сам дая всему жизнь и дыхание и все»⁵. С другой стороны, ученость имеет кардинальное значение лишь для представителей *высокой культуры*, задающей *большую* традицию; для завоевания «широких масс» необходимо нечто иное. Страх и трепет овладевал народами в эпоху становления христианства. «Христиане в большинстве своем верили, что они попадут на небо, а на язычников и в будущем мире обрушатся ужасающие кары. Этот угрожающий характер не был присущ другим религиям, конкурировавшим с христианством в период III столетия»⁶. Мировоззренческая тотальность христианства (как и ислама), имеющая истоки в древнееврейском религиозном рвении, подарила людям неуязвимую *надежду*. Христианская догматика разрешила одно существенное логическое противоречие иудаизма: Бог, с одной стороны демиург и всемирный вседержитель, а с другой – национальный бог, в христианстве он – всеобщий Бог и Спаситель *любого* (конечно, если тот – христианин).

Мессия в религиозном смысле – это или сам Бог (в своеобразном обличи), или его «полномочный» представитель («Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня Отец.

Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить»⁷).

Что же такое есть мессия, если брать его в абстрактном (метафизическом) виде? По-видимому, это есть некая единица массива, обладающая большей потенцией по сравнению с единицами окружающей среды (массива). Она, как правило, чужеродна. Точнее, она формально имманентна среде, а фактически трансцендентна по потенциям, трансцендентальна по предназначению. Наиболее энергетически мощная единица, используя свой потенциал, пытается *воздействовать* на окружающий мир, желая *изменить* среду (массив). В результате *одномоментного бытийственного акта* масса приобретает принципиально новое качество; меняется, *преображаясь*, и мир.

Живучесть и привлекательность мессинской концепции для «широких народных масс» предопределена ее глубинной фундаментальностью в *бессознательном*; три человеческих архетипа, из разряда наиболее общих: Героя, жертвенности и Золотого века (Рая) – как бы «слиты» в мессинстве. Герой, проявляя жертвенность – принося *себя* в жертву, *спасает* человечество и приводит его к Золотому веку. Как пишет Юнг, «энергетику архетипов можно почувствовать по особому очарованию, сопровождающему их появление. Они как будто завораживают»⁸. Поэтому разумное осмысление любых построений (теоретических и догматических) проходит эффективнее – с появлением даже некой *логики*, когда чувствуется своеобразный эмоциональный «прогрев» со стороны *подсознательного*.

В структуре мессинства, понятого как характеристика социально-гуманитарной деятельности, имманентно наличествует система *целесообразности*: глобальное объяснение мира, указание цели и побуждение к движению в определенном направлении. Отсюда мессинство не только религиозное переживание или философская концепция, это еще и *идеология*, которая формируется как в недрах народного сознания, так и в аппарате светской власти или

духовной сфере культурной элиты. В самой религиозной догматике мессинизма немало идей, в частности и хилиастические мотивы, провоцирующих устремления на *социальное переустройство* или *глобальную идейную экспансию*. В то же время религия не может существовать «сама по себе» – она исполняет *культуротворческую* функцию, влияя и предопределяя *деятельность* людей, даже если та или иная религия декларирует аполитичность и социальную пассивность. За понятием «мессинство» стоит не просто вера, а Вера, преломленная через социально-гуманитарные отношения, которая определяет поведение людей, наполняет их жизнь высшим смыслом, задает нравственные ориентиры и устанавливает определенные личные и *социальные* цели. Особенностью мессинского движения является *сверхактивность*, ибо оно имеет *трансцендентальные* основания (по мнению его участников).

Религиозный мессинизм основан на чувстве *избыточности* существования – избыточности, вызванной тем, что относительная мирская жизнь все время стремится за собственные пределы, соединяя себя с абсолютными Началом и Концом и становясь жизнью сразу в двух мирах; прошлое и будущее в известном смысле становятся *данностью* его настоящего. Важнейшее свойство всякого мессинства – *всецелая обусловленность абсолютным будущим*, ощущение «втянутости» в трансцендентное, переживание каждого момента жизни как последнего, чувство *постоянного «бытия на грани»*.

Мироощущение, заключающееся в том, что этот мир онтологически *ущербен*, особенно род человеческий, и в то же время в нем есть *онтологический потенциал* к изменению, достаточно *одномоментному*, – это и есть ментальная основа мессинства.

Идеологическая доктрина мессинства, при всех ее как положительных, так и отрицательных свойствах, может рассматриваться и как своеобразная *знаковая форма*, обеспечивающая социальную легитимность

мессианского переживания и дающая ему место в общем порядке жизни. Немаловажно, что *моделирующее* воздействие мессианства в той или иной степени на все стороны гуманитарной деятельности проходит, для

людей воспитанных в культуре мессианства, на *подсознательном* уровне, т. е. оно, имея глубоко *жизненное* значение, не осознается (или осознается не в полной мере) носителями такого *менталитета*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С.103.

² Миндель Н. Философия Хабада. Вильнюс, 1990. С. 174.

³ Соловьев В. С. Мессианизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. М., 1991. Т. 12. С. 239.

⁴ Юнг К. Г. К вопросу о подсознании // Юнг К.Г. и фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж.Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы. М., 1997. С. 68.

⁵ Деян. 17, 23–25.

⁶ Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997. С. 312–313.

⁷ Ин 12, 49–50.

⁸ Юнг К. Г. Указ. соч. С.76.